

ЯНВАРЬ 1927

ОТЪЧЕСТВО

«PATRIE» («OTETCHESTVO»)

Издание Русскаго Зарубежнаго Патриотическаго Объединенія.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ 2-ой.

№ 1

PARIS

Rapid-Imprimerie, 12, rue Royer-Collard, - Paris (V)

въ юридическомъ смыслѣ Архіерейскій Соборъ не создавалъ, и его неправильное теоретическое и юридическое конструированіе положенія митрополита Евлогія не измѣняетъ дѣйствительности созданной его законодательствомъ, именно митрополитъ Евлогія оказался епархіальнымъ архіереемъ, съ нѣскольکو расширенными Архіерейскимъ Соборомъ правами, которыя Архіерейскій Соборъ можетъ, какъ высшая инстанція, самостоятельно и суживать, и расширять въ порядкѣ своего церковнаго законодательства. Такъ и поступилъ Соборъ 1926 года, выдѣлившій изъ его территоріи Германію, такъ поступилъ и Соборъ 1924 года, постановившій прекратить ранѣе имъ данныя автономныя права митрополита Евлогія, но отсрочившій приведеніе этого своего рѣшенія въ исполненіе. Отъѣздъ митрополита Евлогія съ Собора никакъ не могъ повліять на права Собора, какъ высшей инстанціи законодательствовать, принимая во вниманіе условія мѣста и времени. Права митрополита Евлогія, какъ и всякаго Архіерея, — не собственность его, а обычная публично - правовая полномочія, даруемая и отнимаемая въ соотвѣтствіи съ канонами тѣми органами власти, которыя въ данное время являются высшей по отношенію къ нему властью. Требовать же публично непремѣннаго вмѣшательства мѣстоблюстителя патриаршаго престола въ дѣла За-рубежной Церкви, когда патриаршій указъ 20 ноября 1920 г. предписываетъ временно самостоятельное управленіе, а въ другомъ указѣ, болѣе раннемъ выдѣляетъ специально изъ Петербургской епархіи ея заграничную часть, значить съ одной стороны совершенно не считаться съ желаніемъ самого Патриарха освободить его отъ вмѣшательства въ заграничныя дѣла, ему неизвѣстныя въ должной мѣрѣ, а съ другой стороны предполагать за мѣстоблюстителемъ осѣдомленіе и свободу, которыхъ онъ не имѣетъ относительно заграничныхъ дѣлъ, и подвергать его риску новаго давленія со стороны совѣтской власти. Такъ «де юре» обстоитъ дѣло съ правами митрополита Евлогія.

Что касается основъ спорной власти Митрополита Платона въ Сѣверо - Американской епархіи, то мы рассмотримъ этотъ вопросъ въ слѣдующей статьѣ.

Б. прив. - доц. Императорскаго Московскаго Университета
Михаиль Зызыкинъ.

Б Ъ С Ы .

Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ . . .

(Пушкинъ, «Бѣсы»).

Геній творитъ вѣчное, только вѣчное. Онъ не впускается до мелкой злободневности, не разбирается въ ней и не умѣетъ разбираться,

по-просту не замѣчаетъ ея. Зато злободневность не виснеть на немъ; не опутываетъ его своей досадной паутиной; полеть его мысли могучъ и свободенъ, взглядъ его зорокъ, какъ взглядъ орла.

Национальный гений — художникъ знаетъ душу своего народа, чуткимъ ухомъ слышитъ то, что звучитъ еще не сознание массами, въ самыхъ пѣдрахъ народныхъ пророческимъ окомъ видитъ судьбы народа на много лѣтъ впередъ.

Таковъ былъ Достоевскій — гений русскаго творчества.

Зная русскій народъ отъ верховъ его духовныхъ силъ до «Мертваго Дома» русской каторги, Достоевскій въ великой любви къ человѣчеству не прошелъ въ своемъ творествѣ мимо «униженныхъ и оскорбленныхъ», постигъ русскій надрывъ Раскольникова и Карамазова, нашель искру свѣта въ померкшей душѣ Мармеладова... Достоевскій раскрылъ «бѣсовскую» сущность вождей русской революціи и за полвѣка впередъ показалъ бездну того ада, въ который нынѣ вергли Россію эти чуждые ей «Бѣсы».

Только мы — современники Ленина и Троцкаго — можемъ вполне понять смыслъ и значеніе «Бѣсовъ», мы можемъ понять, что «Бѣсы» — не только историческій очеркъ минувшей эпохи, но и пророчество — нынѣ сбывшееся. Только поставивъ рядомъ Верхоленскіаго съ Ленинымъ и Троцкимъ, мы можемъ видѣть, что каждый изъ нихъ — не вождь народный, не носитель и выразитель народныхъ стремлений — святыхъ или преступныхъ — не Козьма Мининъ и не Стенька Разинъ, а чуждая народу накипь, насланный на него Бѣсъ. И если въ эпоху Достоевскаго революціонный микробъ только началъ развиваться въ русской жизни, занесенный въ нее извнѣ, едва поднималъ голову, какъ робкій гадъ, то въ наше время онъ одолѣлъ народъ, «водитъ и кружить» его, какъ торжествующій Бѣсъ.

Рисую яркими красками эпоху зарожденія русской революціи, будущаго русскаго «бунта», Достоевскій вскрываетъ въ «Бѣсахъ» одну изъ наиболѣе существенныхъ и характерныхъ чертъ этого движенія: полную отчужденность, глубокую рознь между народными массами и тѣми, кто взялъ на себя роль руководителей, вождей этихъ массъ. Авторъ «Бѣсовъ» достаточно выпукло даетъ понять, что причина этой розни, этой отчужденности лежитъ не въ одной темнотѣ, не въ одномъ недоверіи народа — самозванные вожди въ самихъ себѣ носятъ зачатки этой розни: не свободы и не блага ищутъ они, они поклоняются лишь личному честолюбію, ихъ вѣра, ихъ религія — только гнилыя, оторванныя отъ дѣйствительности теоріи, на народъ они смотрятъ холодно и свысока, народъ для нихъ только матеріаль, Россія — только лабораторія.

Отъ Достоевскаго не укрылась и та печать дегенерации, извращеніе человѣческаго облика, которая присущи темнымъ вождямъ русской революціи.

«Бѣсы» — сатира на русское революціонное движеніе, но сати:

ра скорбная, не взвинченная и не прикрашенная: едва ли Достоевского можно заподозрить въ пристрастїи, достаточно вспомнить, что самъ онъ отбывалъ каторгу за участіе въ революціонномъ движеніи.

Достоевскій чужалъ страшное будущее русской революціи: въ его картинахъ вспышки ея — не радостные, торжественные огни, а первая искры того дикаго бессмысленно - разрушительнаго пожара, который на нашихъ глазахъ уничтожаетъ Россію.

В. Пучковскій.
